

Татьяна Кожовина

**ВЕШНЯЯ
СЮИТА**

Стихи

Самара
2016

Коковина Т.В.

К 59 Вешняя сюита: Стихи. — Самара, 2016. — 80 с.

«Вешняя сюита» — третья книга стихов Татьяны Викторовны Коковиной. Эта книга является логическим продолжением предыдущих книг поэтессы — «Воскресшая вишня», «Осенины», «Девясил». Во всех своих книгах и стихах поэтесса верна глубинной России, её традициям, истокам. Верна малой самарской и новокуйбышевской родине, окрестностям реки Татьянки, своей «тёзки». Татьяна Викторовна является членом народного литературного объединения «Отчий Дом» под руководством Дианы Кан. Стихотворения Татьяны Коковиной публиковались на страницах журнала «Русское эхо» (Самара), альманаха «Отчий Дом» (Новокуйбышевск), журнала «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), на Интернет-сайтах России и др. Творческий почерк поэтессы тяготеет к песенной народности, поэтому многие стихи Татьяны Коковиной стали песнями, любимыми публикой. Книга предназначена для любителей поэзии.

© Коковина Т.В., 2016

«Флейта в сердце ожила...»

Если читаешь стихотворения Татьяны Коковиной читательским глазом, что не раз доводилось мне делать раньше в альманахе «Отчий дом», и получаешь большое эстетическое и нравственное удовольствие от соприкосновения с красочным и певучим слогом этой поэтессы. А пришло время прочесть рукопись новой книги Татьяны Викторовны глазом писателя. И вот тут я призадумался. А к какой, собственно, категории причислить поэзию Коковиной? А причислить-то, ведь разговор по существу, надо! Стихи Татьяны Коковиной на особинку, ни под ахматовский стиль, ни под цветаевский не дают себе подравнять. Призадумайся и чуть в тупик войдешь, пока не вспомнишь про прекрасную русскую поэтессу Ксению Некрасову. И сразу многое становится более понятным, более прозрачными представляются истоки поэзии автора этой книги. Эти истоки берут начало в неиссякаемых глубинах русской песенной и сказовой народности. Собственно, имя автора — Татьяна — совпадает с именем реки, из которой черпает вдохновение поэтесса — речки Татьянки. Без особого преувеличения назвал Татьяну Коковину самарской Ксенией Некрасовой. Русский взгляд на мир, живое, играющее множеством граней, самоцветное искрящееся слово, напевность, поистине волжская русская готовность принять мир во всем многообразии, а порой и противоречии, принять все, уготованное судьбой, зная что в след за зимой, какой бы суровой она ни выдалась, непременно придет весна.

*Казалось всё предreshено,
Оборвалось, не став началом.*

*Судьбой-злодейкой не дано,
Чтоб вечно музыка звучала.*

*Всё улеглось, всё отлегло
Всё невозможное — возможно.
Но вот — весна, а с ней — тепло!
И к солнцу выйдя осторожно*

*Я отвернуться не смогла,
Лучами вешними согрелась,
Хотя мне вовсе не хотелось,
Чтоб флейта в сердце ожила.*

*Но что поделаешь? Весна!
Легко, с завидным постоянством
Лишает нас покоя, сна,
Любовным потчуя лекарством!*

*Не жаль, что чувству поддалась,
И вновь прошла цветущим садом.
Пусть обманулась, обожглась,
Но вновь обманываться рада.*

Волшебная флейта. С ней, согласно русским мифам, ходил по лесам белокурый Лель. Поэзия Татьяны Коковиной настолько гармонично вписана в волжскую русскую природу, что лирическая героиня ощущает себя частью этой природы. Она дочь природы. Она же и мать природы, заботливо ответственная за родное.

*Воздух застывший тяжёл и недвижим,
И в наступившей глухой тишине
Носятся слепни, стрекозы всё ниже,
Плачут кузнечики в колкой стерне.*

*Ветер внезапный отечески треплет
Пышных деревьев тугую листву.
Дикие яблоки бьются о землю,
Грезит природа дождём наяву.*

*Слышу вдали громовые раскаты.
Детские страхи припомнились мне.
Дерзко напористо дождик окатный
С треском ударил по стойкой стерне.*

Природа в поэзии Татьяны Коковиной — настолько живая, что лирические героини стихов автора этой книги, наряду с людьми — деревья, реки, травы. Коковина — природная поэтесса во всех смыслах этого понятия. Природная — в смысле настоящая, а не самопридуманная и самовнушённая. И природная — любящая и чувствующая природу вещей, природу человеческих отношений, природу русского национального характера, природу русского слова и русского наречия.

*Ясным солнышком слово сияет,
В нём заложена жизни основа.
Мой великий народ понимает
Силу мудрого слова живого.*

*Чутким стоном, серебряным звоном
Слово-солнце над Русью сияет.
Не гордясь своим царственным троном
Нас по-царски лучом обласкает.*

*Наше русское слово призывно
Ко всему, что согрето любовью.
И звучит нескончаемым гимном,
Не внимая чужому злословью.*

Злословья, суесловья в наш век хватает. А вот слово природное звучит всё реже и всё тише. И чтобы его расслышать, надо обладать очень чутким слухом. С годами слух у человека, если он не поэт от природы, обычно притупляется. Но поэты такое уникальное, выражаясь словами Дианы Кан, сословие, что если они поэты, то чем старше становятся, тем зорче глаз и чутче слух. Собственно, по этой неподвластной времени чуткости и можно узнать о человеке — поэт он, наделённый даром

свыше, или обычный стихотворец. И когда из своих неизбежных странствий души поэт возвращается к началу начал, эта память предков включается в нём, чтобы стать стихотворениями, перед которыми не устоит русское сердце:

*Маршрут автобусный с названьем «Липяги».
На нём я словно возвращаюсь в детство —
Туда, где перелив родной реки,
Где край отцов, доставшийся в наследство.*

*Речушка окаймляет берега,
Здесь милый дом отеческий, тесовый,
Построен так добротню, на века,
Что с домом посоперничает новым.*

*Вновь запах лип ласкает мне лицо,
А дом хранит моё родное имя,
Он на приезжих не скрипит крыльцом,
А удивляет ставнями резными.*

*Маршрут автобусный с названьем «Липяги»...
Народ на Волге завсегда речистый.
Любимые волжане-земляки
Обречены сюда душой стремиться.*

Вся эта книга — признание в любви родным просторам, родным людям, родным рекам, родной стороне и родной стране. Признание проникновенное и достоверное. Красивое и в то же время чурающееся красотей. Признание в словах и почти бессловесное — в интонации речи, в пространстве, что соединяет столь разные слова в стихи, делая их стихотворениями, а автора — творцом.

*Сегодня с яблонь цвет летит,
Бело с рассвета и до края.
Благоухание пьянит,
И сердце трепетное тает.*

*Любовь святую подарив,
Цвет не жалел, что погибает,
И, землю русскую укрыв,
Светился, тихо угасая.*

*На склоне лет на сад взглянув
Я удивляюсь. Может статься,
Как все, я тоже отцвету,
Но прежде, чем со всем расстаться,*

*Прошу на миг, единый миг,
Дай мне, Господи, туда подняться,
Где яблонь цвет к земле приник,
В любви не смея ей признаться.*

Поэт — творец, но он же всего лишь человек. И как всё живое и материальное — отцветает. Но зато каковы же остаются плоды — в стихах и в книгах. Про стихотворения Татьяны Викторовны можно сказать — единожды прочитавший их, уже запоминает сердцем интонацию поэтессы. И в дальнейшем узнает её неповторимый голос в хоре других поэтических голосов. Это и называется стиль — в данном случае волжский, распевный, раздольный, лиричный и даже с выходом на эпичность.

Что еще приятно обращает на себя внимание в творчестве Татьяны Викторовны — её умение быть самоироничной, весьма редкое в творчестве поэтесс. Я бы сказал, что поэтесса и поэт отличны тем, что поэт, неважно, мужчина он или женщина, способен к самоиронии. А поэтесса, опять-таки неважно, женщина она или мужчина, к самоиронии способностей не обнаруживает. Именно влюблённость в себя, не дающая шанса самоиронии, в подавляющем большинстве случаев и не позволяет многим женщинам выйти из разряда поэтесс в поэты. Коковинной это не грозит. Она способна посмеяться над собой и над ситуацией, в которую попала, и при этом не потерять уважения к себе. Самоирония — вернейший признак душевной и духовной силы в поэте, в человеке. В качестве

примера приведу стихотворение. Не могу назвать его лучшим в этой книге, где есть стихи, состоявшиеся по самому большому счёту. Но это стихотворение очень показательно в творчестве Коковиной именно, как пример самоиронии. Казалось бы, основой для стихотворения стала почти типичная и даже, говоря с мужской точки зрения, неизбежная ситуация курортного романа. Такие ситуации обычно обыгрываются в анекдотах, начинающихся со слов «Муж (жена) приехала на курорт...». Ситуация, скажем так, не лишённая бытовизма. Однако под пером поэта она предстает совсем в ином ракурсе, абсолютно лишённом пошлости.

*Нынче прошлого нет и в помине,
По горячей путёвке — курорт!
Я надела купальник бикини.
Остальное швырнула за борт.*

*И любовь, как волною, прибило.
И откинута прочь суета.
И давно позабытое «милый!» —
Словно сахар, ласкает уста...*

*...Я внимала словечкам медовым,
Я лишилась покоя и сна...
Но неожиданно грозой чернобровой
Появилась красава-жена.*

*И дала мне понять, что всё просто,
Охраняют нас ангелов со сто.
Но где счастью прийти суждено,
Не окажется ни одного.*

Татьяна Коковина из тех поэтов, что родились на родной земле и ей же пригодились. На таких корневых поэтах незыблемо стоит фундамент русской литературы, такие поэты и прозаики соль земная, хранители и холители родной почвы. Хулителей родного в пост-советское время развелось без меры. А вот холителей — единицы,

оттого и страна родная переживает не лучшие времена. Татьяна Коковина — холитель родной земли. Говорят, она и не только в литературе её холит и лелеет, но и вполне по земному работает на земле. И хулить родную землю поэту Татьяне Коковиной недосуг, все силы уходят на то, чтобы заботиться о родном, холить родное. Но сказать, что автор этой книги не может жёстко выразить свое мнение о хулителях, коим ныне несть числа, нельзя. По закону родной почвы, русской крови и поэтического дара автор этой книги вправе говорить жестко и неприятно о тех перекаати-поле соотечественниках из числа хулителей России, у которых родина там, где удобно и сытно.

*Он восхищался лондонским туманом,
Годами заграницы обживал,
А я своей судьбины окаянной,
Навзрыд встречала тридевятый вал.*

*Запятавшая слёзы под ресницы,
Не разлюбила я свою страну.
Пугливою израненной синицей
Я зазывала новую весну.*

*Бывало, ветер обжигал мне крылья,
Вгонял меня в простуженную дрожь.
Но не прельстилась я заморской пылью,
И правдой я не называла ложь.*

*Годами он искал страну другую,
Юродствуя: «Россия — не страна!..»
По журавлям заморским не тоскую,
Для счастья и синица мне годна.*

Простор и широта поэтического дыхания Татьяны Коковиной нарастает от книги к книге. Поэтесса не изменяет лирической основе своей поэзии, но всё более в её книге стихов, которые можно и нужно назвать лироэпическими.

*Степь привольная необъятная
Дождалась меня, дождалась!
И лукавыми ароматами
Ты дразнить меня принялась.*

*Степь дурманная и духмяная,
Обними меня, обними!
Я сегодня от счастья пьяная
И похмельная от любви.*

*Оглушила пряной душицею.
Огорошила чабрецом.
Воздала за любовь сторицею,
Мне накрыв земляничный стол!*

О том, что автор этой книги плоть от плоти и кровь от крови русского народа и волжской природы, я уже упоминал. Она ощущает себя одновременно и дочерью лесу, и сестрицей реки, и внучкой ивы. И даже отеческому крыльцу, которое не скрипит ворчливо на неё, вернувшуюся в детство, лирическая героиня этой книги — родная. И в этом смысле то стихотворение, которое просто нельзя не процитировать, является поистине знаковым для книги. В нём явлено наше русское родство практически во всех его проявлениях.

*Расскажу-ка я батюшке-лесу
Всё, в чем в жизни была неправа .
Он не сквер городской, что повесой
Сыплет листьев пожухлых слова!*

*Здесь мой брат — черноглазый терновник.
И опёнок — мне тоже родня.
Чуть поодаль краснеет шиповник —
Стыдно за горожанку меня!*

*Здесь речушка-сестра говорлива —
Разговор о любви заведёт...
И прабабушка — грустная ива —
Волжский ветер мне в косы вплетёт.*

Поэтическая зоркость автора, конечно, проявляется в первую очередь в зоркости на слово, и умении отличать слово самоцветное от слова шлакового, сорного. Но да не обидится на меня поэт Татьяна Коковина, если я скажу так — она и самые непритязательные слова способна поставить на такое, единственно возможное, место, что и они начинают играть гранями значений. Зоркая она женщина и поэт, Татьяна Викторовна Коковина! Не позавидуешь тем, кто в силу гордыни попадетсся ей на кончик пера. Татьяна Коковина видит таких зорким оком, но одной зоркостью не ограничится, даст по-русски такой отпор и такую отповедь, что не захочешь, да пожалеешь неблагодарных гордецов.

*Я — сова, и я вижу в сумерки,
Как, подобный полчищу крыс,
Род звериный в сплошном безумии
Привыкает Россию грызть.*

*Повсеместно возня крысиная.
Ей людской безразличен суд.
Знать, Россию мою былинную
Грызуны без следа сожрут.*

*Я — сова, потому — пророчица.
И гореть грызунам в аду.
Усмиряю серые полчища
Тем, что с родиной я в ладу!*

Ладная поэзия Коковиной... Почему её стихи хочется не только прочесть, но и перечитывать? А потому что они отрада усталому русскому сердцу, они даруют свет надежды и непоколебимой веры в лучшую долю.

*Пронзали птичьи стоны
Полночной мглы оскал...
Тот плач тебя не тронул,
Бесстрастно ты молчал.*

*Заря ночную темень
Пронзила поутру.
Проспал ты это время —
И это не к добру.*

*Ночная птица пела.
Шиповник ликовал.
Сирень в саду кипела,
А ты, бедняга, спал.*

*Уныло смотришь мимо.
Грустить тебе не лень...
...А я не утомимо
Цвету, как та сирень.*

Вера в русский народ и неприятие русского разлада, как нормы жизни — вот гражданская позиция поэзии Татьяны Коковиной. В её книге вы не много найдете стихов, где она жжет глаголом читательские сердца. Она не жжёт. Она греет и вселяет веру, а это куда как нужнее всем нам.

*...Отогреется спящий усталый народ,
Он не рвался из грязи да в князи.
Отогнал он врага от родимых ворот,
Наподдав иноземной заразе.*

*Взялся внук, как и предки его, за топор,
Ладит избу — аж мышцы играют!
Если надобно будет — какой разговор! —
Вновь коня в честный бой оседлает.*

*Не сидит за пустым неказистым столом,
Не позволит себя обездолить.
Ладит дедовский дом, что не пущен на слом,
Землю предков отечески холит.*

Таких вот мужчин, какой описан в стихотворении, не так мало в России, хотя сегодня много разговоров о том, что русские мужчины много пьют, курят и не хотят ра-

ботать. Только вот не надо судить снаружи. Надо посмотреть в глубину, в глубинку русскую, понимающим женским — материнским, дочерним и сестринским оком. И откроется тогда эта извечная тайна веры в Россию, и да не покинет она нас, воплощаясь в прекрасные согревающие душу на ветрах неласкового времени, стихотворения. Такие, как пишет Татьяна Викторовна Коковина. Уверен, что даже членство в Союзе писателей России не помешает ей и далее радовать нас прекрасными стихами о России и о нас, грешных, населяющих нашу великую страну.

Эдуард Анашкин,
*член Союза писателей России,
лауреат всероссийской премии
«Имперская культура»,
самарской региональной
литературной премии им. Гарина-Михайловского*

Сегодня с яблонь цвет летит,
 Бело с рассвета и до края.
 Благоухание пьянит,
 И сердце трепетное тает.
 Любовь святую подарив,
 Цвет не жалел, что погибает.
 И, землю русскую укрыв,
 Светился, тихо угасая.
 На склоне лет на сад взглянув
 Я удивляюсь. Может статься,
 Как все, я тоже отцвету,
 Но прежде, чем со всем расстаться,
 Прошу на миг, единый миг,
 Мне дай Господь туда подняться,
 Где яблонь цвет к земле приник,
 В любви не смея ей признаться.

Поэзия

Горько плакала ноченькой звёздной,
 Выжигал моё сердце обман,
 Зазывала тебя в зори росные,
 Чтоб рассеялся серый туман.

За озёрною заводью тихою
 Отгрустили мои соловьи,
 И слова золотой облепихою
 Врачевали страданья мои.

Всем, кто напрочь расстался с везением,
 И озябшей душой изнемог,
 Ты дарила не только цветение,
 Но и животворительный сок.

Называлась ты лирикой тихою,
 И в неравном сраженьи с судьбой,
 Ты светились златой облепихою,
 Вдохновенье суля и покой,

Платья, платяишки и платяица!
 Цвета радуги-дуги.
 Платья наши, раскрасавицы,
 Нам, девчонкам, не враги.

Помню, в красном я, как водится,
 Молода и влюблена.
 В белоснежном платье, помнится,
 Стала милому — жена.

В этом скромном платье с бантиком
 Выдавала замуж дочь.
 А в ромашковом — романтика
 Захлестнула душу вклучь!

В тёмно-синем шла усталая,
 Платье — синяя тоска.
 Про измену в нём узнала я
 Дорогого муженька.

Ну а в этом новом платьице,
 Что француженке под стать,
 Вышла к вам, мои красавицы,
 О любви стихи читать.

Не видела лета зелёного
 В трудах и заботах до устали.
 В осеннюю охру влюблённая,
 Петляю дорогами грустными,

Ночами осенними синими
 Слагаю с себя обязательства,
 Покрыта серебряным инеем,
 Тебя забываю старательно.

И ночи морозной дыхание
 Хранят застеклённые лужицы...
 Ужель не дождусь я признания,
 И счастье в метелях заблудится?..

Разрумянится лицо.
Не взирая на погоду,
Выйду утром на крыльцо,
Глубоко вдохну свободу.

Люб закат мне и рассвет,
Любо ласковое солнце.
Всем шальной весны привет
Понемногу достаётся.

Я опять влюблюсь всерьёз!
Что мне прошлые печали?
Ведь не зря веснушки нос
Вздёрнутый облюбовали.

Ну наконец-то маковый закат
Плывёт по речке переливом алым...
Коммерция моя пошла на лад,
Я день деньской на рынке торговала!

Я на судьбу обиды не таю,
Стараясь жить негромко и неброско.
Съестным набила торбочку свою,
И встретила любовь на перекрёстке.

Бездомный пёс далече ноги нёс,
Но вдруг признал во мне свою хозяйку.
И было не сдержат невольных слёз,
Так он глядел в глаза мне без утайки.

И лишь сосед мой был тому не рад,
И заявил прилюдно-громогласно:
«Не ты мила собаке — аромат!
Сбежал из торбы аромат колбасный!..»

Что прав сосед, уверить не берусь!
Но я однажды твёрдо уяснила,
С любой собакой точно подружусь,
А с человеком — точно б погодила!

В кошельке звенит уныло медь,
Не суля заветную покупку...
Золота мне, видно, не иметь,
Отнесла кольцо сегодня в скупку.

Не впервой одной латать забор,
Не впуская в сердце нелюбимых,
Что нахально ломаются во двор
И стучатся в двери в лютых зимах.

Что им нужно от меня? Вопрос!..
Муженька не надо мне чужого.
Несложёнкам путь греха не прост.
Успокойтесь, не ревнуйте, жёны!

Я стою рябиной на ветру.
Лишь мужей залётных не хватало!
Я любовь, как песню, отыграла
На холодном продувном ветру.

Стонал под ветрами усталый лес,
Но корни молча росли.
И дождь их кормил высотой небес
И соками отчей земли.

И пусть они пребывают впотьмах,
Но корень всех бед людских,
Что мы забываем о наших корнях,
Порой предавая их.

Когда отгорим, упадём на твердь,
Прильнём к родовым корням.
Так было до нас и так будет впредь —
Это решать не нам.

В Санкт Петербурге

В неспешном снегопаде растворюсь
Среди людей, спешащих за мечтами,
Снежинкою на время притворюсь,
Роднившейся недавно с облаками.

О вечном прошепчу печальный стих,
Слетая плавно на плечо атланта.
Жалея современников своих,
Как гениальный Алигьери Данте.

Над Питером усталым покружу,
Над Мойкой, Монастыркой и Невою,
И скорую весну наворожу,
Хотя и рождена была зимой.

Растаю... Ну а вам и невдомёк.
Подумаешь, великая потеря!
Но небосвод отныне одинок,
Как гениальный Данте Алигьери.

Непутёвая, непутёвая,
Я забыла тебя давно.
В небе туча висит лиловая,
Но пролиться дождю не дано.

Луговые и ароматные,
Ты бросал мне цветы: «Лови!»
Ох, мечтания невозвратные
О полынной твоей любви!..

Ты в Анталии и в Италии
Не избудешь душевную стынь.
Заросло всё, о чём мечтали мы
Горькой травкой, чьё имя полынь.

В день рождения Ю.П. Кузнецова

Мгла темноликая, будет иначе,
Светлый проснётся день,
Лучик божественный по миру скачет
Превозмогая тень.

В предгрозовую февральскую пору
Пробует силы свет.
Солнце проснулось, двинулось в гору,
Чтобы пришёл поэт.

Чтоб, окликая пустыни и выси,
Наворожил рассвет.
Ведь от прихода поэта зависит,
Будет ли в мире свет!

Тебе я по наивности своей
Быть провожатым робко разрешила.
Ты был меня немногим посмелей.
В мальчишеской застенчивости милый.

Грущу о невозвратном, о родном,
О времени, когда мы так любили
И «Незнакомку» Блока в голубом,
Поход в кино и эскимо с ванилью.

Всё это в прошлом... Из небытия
Прощальный зов порою раздаётся.
Ни позабыть, ни воскресить нельзя,
Лишь благодарно помнить остаётся.

Грущу о невозвратном, о родном!
Любовь — бессмертна, даже если в прошлом.
Хоть кажется порою сладким сном,
Забыть который просто невозможно.

Ветер рвётся непослушным
 Псом блудливым с поводка.
 И опять терзает душу
 Леденящая тоска.

От разлучных мрачных буден
 Откреститься не могу.
 Что предзимье русским людям?
 Нам бы снежную пургу!

Снег беснуется, кружится,
 И прохожих валит с ног
 Что ж тебе никак не спится,
 Шаловливый мой сынок?

Папа с нами жить не хочет.
 Ну и ладно, что с того?
 Баю-баю, мой сыночек...
 Ты упрямец — весь в него!

Зима исходит песней колыбельной,
 Терзает душу вьюжными речами...
 Уставшие от белизны метельной,
 Весны взыскуем длинными ночами.

Проталиной весна поманит первой,
 Травинкой обнадёжит скороспелой,
 Порадует пушистой вербной веткой,
 Капелью звонкой запоёт несмело.

Затеплится озимым восходом хлеба,
 Проклунется стихом в душе поэта,
 И озарив распаханное небо
 Победно вспыхнет стойким первоцветом.

Солнце, лучиком звонким согрев,
 Золотило пшеничное поле,
 И струило сердечный напев,
 О родимом российском раздолье.

Мрак явился с чужой стороны,
 Как лукавый разлучник-мессия.
 И усмешкой ущербной луны
 Серебрил золотую Россию.

Серебристый обманчивый свет
 Заливает семейное ложе.
 И серебряных тридцать монет
 Наше счастье, любимый, итожат.

Покидая уютный наш дом,
 Ты исходишь стыдливою фальшью.
 Ты ведь с мраком не просто знаком —
 Мраку этому родич ближайший.

И печалью сквозит от окна,
 Мы с луной одиноки до дрожи.
 Догорает на небе она,
 Освещая случайных прохожих.

Осеннее глагольное

Догорала осень, замирала речка.
 В небе трепетало облачко-овечка.
 Сердце волновалось, мысли растерялись,
 Золотые листья с клёном расставались.
 Воздыхали травы, журавли кричали
 О какой-то вечной неземной печали.
 И шептались листья в тоненьких осинах:
 «Осень пригласила нас на именины!».
 ...Осень красовалась золотой одежкой,
 Хоть уже осталось ей совсем немножко.
 Журавли кружили, о былом кричали,
 И от стай чернели голубые дали.

Ветер заводит унылые речи,
Лето, цыганским взмахнув подолом,
В тихом овражке уснуло под вечер,
Ворох забот отложив на потом.

Напрочь сегодня забывший о лете,
Ветер потворствует злым сентяблям.
Он воцарился на целой планете
И колобродит по синим полям.

Снова приносит нам ливни косые,
Сеет осеннюю зябкую грусть...
Осень, Дегтярка, Татьяна, Россия,
Перезимуем опять как-нибудь!

По тропинке края отчего
Весть ненастная летит.
И октябрь смотрит отчимом,
И сердечко холодит.

За дремучестью за ивовой
Прибежит издалека
Торопливая болтливая
Суетливая река.

Голубая и кипучая
Говорливая вода!
Пусть удача — дело случая,
Ключ в родной земле всегда!

Это ключ к родной стороншке.
Эй, сторонка, отворись!
Возвернутся жавороншки,
Принеся весну и жизнь.

Мы шли с тобой вдвоём, весне на зависть.
Заря полоской алой занялась,
И тень, другого берега касаясь,
Струила непоседливую вязь.

И темнота, скукожась, отступала...
В предутренней звенящей тишине
Листва вокруг шепталась и вздыхала
И бегали мурашки по спине...

Я видела — вдали костёр усталый
Манил своим таинственным огнём...
Весны начало и любви начало,
Что кончились унылым сентябрём.

Я помню, как всё это было —
Как я укладывалась спать...
А мама грустно уходила
Окопы воинам копать.

...Вернётся мама в дом не скоро,
Устало сбросит свой шушун.
У кружевной застынет шторы,
Полна неизречённых дум.

Ну, а потом натопит печку,
Мне будет Пушкина читать,
Лепёшки жарить, теплить свечку,
От папы с фронта писем ждать!

...Семидесятый год Победы!
Я майской ласковой весной
Вновь на могилу к маме еду,
И томик Пушкина со мной.

Живи и здравствуй, славный Град Петров!
Встречай меня, свою провинциалку.
К тебе явилась с волжских берегов
И ничего мне для тебя не жалко.

Окно в Европу и её оплот,
И колыбель кровавых революций.
Всё, Петербург, тебе идёт в зачёт,
Хотя вопросы всё же остаются.

Немало иноземцев за века
Ты, град Петров, видал на самом деле —
Явившиеся к нам издалека.
Служа Руси, податливо русели.

Имперский взгляд твой гордо устремлён
На небеса, где вечная свобода,
И никогда ты не был побеждён,
Врагам ты не распахивал ворота.

Здесь верю, наш народ непобедим,
Коль выдержал жестокую блокаду.
Здесь царский дух вовек не отделим
От красного величья Ленинграда!

Осень поздняя не раскисла.
И не стала старушкой унылой.
На червонное золото листьев
Не скупясь, снежка прикупила.

Упрекнуть её, впрочем, не в чем:
Увлеклась снежком без оглядки.
Прижимается крепче, крепче,
Но в объятьях его так зябко.

Не вернётся былая нега,
У прохожих темнеют лица...
Осень поздняя с ранним снегом —
Так недолго роман их длится.

Пусть юность бродит за околицей,
А я люблюсь на закат.
Но друг из юности бессонницей
Вошёл ко мне в осенний сад.

И в мыслях полная сумятица —
Зачем он столько лет робел?
На небесах закат румянился —
Кровавил небушко, не грел.

Ужели липой бледнолицою
На склоне лет я зацвету?
Любовь липучей повилицою
Подстерегла меня в саду.

Ужели выйду за околицу,
Где колобродит молодёжь?..
Как усмирить свою бессонницу,
Когда в саду меня ты ждёшь?

Не раз и не два изнашивал,
Терял её раз за разом...
Вновь шапку надел Мономашью
Двуликий январь-зараза!

Коварный царственный месяц
Царит по Руси бескрайней.
И сердце опять не на месте,
И рушатся летние планы.

Двуликий, как Януарий,
Он в лёд превращает души...
Поцарствует и слиняет...
Не слушай его, не слушай!

Вокруг не ходил да около —
За плечи меня обнимал.
Взъерошил мне строгие локоны,
И в губы, наглец, целовал.

Конечно, ему уступила.
Вот так обаять меня смог!
И чуть не сказала: «Милый,
Может, зайдешь на чаёк?»

Промокшие семь одежек
Чуть-чуть он с меня не снял...
Фривольный весенний дождик —
Неотразимый нахал!

За окном пламенеет мороз,
От него, что ни звук — звень!
На окне завитки из роз
Неустанно плетёт метель!

А в печурке дровишек треск —
Смолянистый их говорок.
И огня озорной блеск
Да невыученный урок.

За уроками скучно сидеть,
Но учиться надо всерьёз.
Эх, бы валенки мне надеть,
Шаль да варежки и — в мороз!

В полуяви и полусне
Полубредить-полумечтать...
Жаль, без валенок в детство мне
По морозу не добежать.

Семеро ворот и все в огород.

Русская пословица

Наконец-то явилось лето
Ярко-сочным весёлым светом
Помидорке щекочет щёчки,
Жёлтым зонтиком Пан Укропчик.
И пунцово грозит малина:
«Уколю, если ты разиня!
Но медком в пирожке растаю,
Коль сосед — изумрудный щавель!..»
Лето — свет мой! Не наглядеться!
Сладкой спелостью не наестся!
Я б замков повесила восемь,
Чтобы в сад не прокралась осень!

Неужель мою Россию
Позабыл и чёрт, и Бог?
Снег подлунный синий-синий
В полумраке изнемог.

С диким уханьем совиным
На распутье трёх путей
Темень гостей нелюдимой
Всуге ждёт-пождёт гостей.

В полумраке робко снится —
Развиднеет в небеси,
Обернётся снег водицей,
Разбежится по Руси.

И разбудит песней звонкой
Этот мрак и этот край.
Выйдешь во поле девчонкой —
Хоть ромашки собирай.

Ветер в шубе песчовой белой
По сугробам летит непролазным.
В подворотнях ворчит ошалело,
В тихих скверах господствует властно.

Не сидится ему, не ложится...
Флейту дам — пусть Шопена играет!
И затинькают громче синицы,
В край родимый весну приглашая.

И спесивые сникнут сугробы —
Так, что сразу мы все заметим.
Ведь они — мятежники оба.
Что Шопен, что наш волжский ветер.

Светлоликий мой, сам ты себе господин!
Я с тобою поспорить могла бы.
Ты опять гулеванишь среди русских равнин,
Не боясь неизбежных ухабов.

И небесным напевом о светлой любви
Вновь стучишься в сердечную дверцу.
Хрупкой нежностью юную душу травы,
Я-то знаю, с тобой не согреться.

Очаруешь, но свой дерзновенный побег
Совершишь, лишь представиться случай.
Ах, лукавый, пленительный, искристый снег,
Неминучий мой свет, неминучий!

Картине Евгения Бутенкова «Берёзовый полдень»

Солнечный яркий берёзовый полдень —
Свет нескончаемый русских берёз...
Гимн нашей скромной российской природе
Бережно мастер на холст перенёс.

Эти картины к нам вышли из сказки —
Сказку сказать — ни пером описать!
Осень его зазвала не напрасно —
В каждом мазке наша волжская статья.

В окне свежих примул букетик,
Наивно открытый весне.
Мечтает о солнце, о лете,
О взбалмошной полной луне.

Он светит мне, словно в тумане,
Средь улочек полупустых,
Луной убаюканных зданий
И прочих красот городских.

Как пушкинской скромной Алине,
Он мне признаётся в любви.
Он знает — меня ты покинул.
К чему оправданья твои?

Он помнит, как я прокричала:
«Мой адрес в блокнот запиши!..»
Но ветер перронный вокзала
На буквы слова раскрошил.

Остался лишь этот букетик
В моей ослабевшей руке...
...Он светит мне, светит и светит
В далёком моём далеке.

Небо хмурое копит свет,
И рассвет серой нитью сшит.
От любимого жду ответ,
Время тянется, не спешит.

Тяжко память дышит вослед —
Не укрыться, не убежать!
От любимого жду привет...
Нелюбимой привычно ждать?

Зимний свет — леденящий свет,
Неприветливый лунный блик.
Голос сердца мне скажет: «Нет!».
И сорвётся мой плач на крик.

Тихо в четыре руки
Мы исполняем осень.
Танцы листвы легки,
Рвутся в небесную просинь.

Осенний нескладный лёд.
Внутренний лёд сомнений,
Да и какой идиот
Выдержит жар откровений?

Наши счастливые сны
Подстережёт усталость...
Песня шальной весны
В наших сердцах осталась.

Благословенный миг...
В воздухе лист кружится.
Он несказанно велик
Верой, что возродится!

В землю осеннюю пав,
Древу даст пропитанье...
Песня семи октав,
Исполненная на прощанье.

Воздух застывший тяжёл и недвижим,
И в наступившей глухой тишине
Носятся слепни, стрекозы всё ниже,
Плачут кузнечики в колкой стерне.
Ветер внезапный отечески треплет
Пышных деревьев тугую листву.
Дикие яблоки бьются о землю,
Грезит природа дождём наяву.
Слышу вдали громовые раскаты.
Детские страхи припомнились мне.
Дерзко напористо дождик окатный
С треском ударил по стойкой стерне.
Молний блескучих дневные сторожары.
Гром нарастает калёной струной.
Он, громыхая, грозился недаром,
В гости пожаловал дождь проливной!

Ужели и птицам печали знакомы,
Когда на крыло они ставят птенца,
Как пусто в гнезде!.. Под раскатами грома
Гузыней печальной топчусь у крыльца.
Такой же гузыней прабабка Лукерья,
Бывало, прикрикнет: «Не смейте бузить!»
И мы, мыльшня, вмиг притихнем за дверью,
Умерив свою оголтелую прыть.
В войну на прабабке лежало подворье,
Бывало, усталость её не берёт.
И полными были амбар и застолье,
И в годы военные выжил наш род.
Гузыней грущу... Но на сердце спокойно:
Я в путь милых деток должна отпустить,
Вернутся они из полётов сокольных
На Родину предков, чтоб жить и любить!

Лука Самарская! Красой похвастай!
Тебя дочерним взглядом обниму!
Прости меня, беглянку, что нечасто
В твоём гощу зелёном терему.
А время здесь течёт не торопливо,
Как Волга, что свою являя стать,
Весь мир обнять способна молчаливо,
Как добрая и ласковая мать.
Ласкает горы голубая Волга!
Самарская Лука к себе влечёт.
И в травах молодых кузнечик звонкий
Всем счастье упоительно куёт.

Нынче прошлого нет и в помине,
По горячей путёвке — курорт!
Я надела купальник бикини.
Остальное швырнула за борт.
И любовь, как волною, прибило.
И откинута прочь суета.
И давно позабытое «милый!» —
Словно сахар, ласкает уста...
...Я внимала словечкам медовым,
Я лишилась покоя и сна...
Но неожиданно грозой чернобровой
Появилась красавица-жена.
И дала мне понять, что всё просто,
Охраняют нас ангелов со сто.
Но где счастьем прийти суждено,
Не окажется ни одного.

Кто в берёзовой роще однажды бывал,
Тот особую праздничность знает.
Есть особого света заветный накал,
Если рядом берёзы сияют.
Вырастали берёзы вдоль русских дорог —
От провинций до самой столицы,
Чтобы русский народ заблудиться не смог
В тёмном мире, где гасли зарницы.
Золочёной серёжкой берёза блеснёт,
Малахитовым платьем играя...
И закату назло воссияет восход
В двух шагах от небесного рая.

Маршрут автобусный с названием «Липяги».
На нём я словно возвращаюсь в детство —
Туда, где перелив родной реки,
Где край отцов, доставшийся в наследство.
Речушка окаймляет берега,
Здесь милый дом отеческий, тесовый,
Построен так добротен, на века,
Что с домом посоперничает новым.
Вновь запах лип ласкает мне лицо,
А дом хранит моё родное имя,
Он на приезжих не скрипит крыльцом,
а удивляет ставнями резными.
Маршрут автобусный с названием «Липяги»...
Народ на Волге завсегда речистый.
Любимые волжане-земляки
Обречены сюда душой стремиться.

Он восхищался лондонским туманом,
 Годами заграницы обжигал,
 А я своей судьбины окаянной,
 Навзрыд встречала тридевятый вал.
 Запрятавшая слёзы под ресницы,
 Не разлюбила я свою страну.
 Пугливую израненной синицей
 Я зазывала новую весну.
 Бывало, ветер обжигал мне крылья,
 Вгонял меня в простуженную дрожь.
 Но не прельстилась я заморской пылью,
 И правдой я не называла ложь.
 Годами он искал страну другую,
 Юродствуя: «Россия — не страна!..»
 По журавлям заморским не тоскую,
 Для счастья и синица мне годна.

Степь привольная необъятная
 Дождалась меня, дождалась!
 И лукавыми ароматами
 Ты дразнить меня принялась.
 Степь дурманная и духмяная,
 Обними меня, обними!
 Я сегодня от счастья пьяная
 И похмельная от любви.
 Оглушила пряной душицею.
 Огорошила чабрецом.
 Воздала за любовь сторицею,
 Мне накрыв земляничный стол!

Расскажу-ка я батюшке-лесу
 Всё, в чем в жизни была неправа .
 Он не сквер городской, что повесой
 Сыплет листьев пожухлых слова!
 Здесь мой брат — черноглазый терновник.
 И опёнок — мне тоже родня.
 Чуть поодаль краснеет шиповник —
 Стыдно за горожанку меня!
 Здесь речушка-сестра говорлива —
 Разговор о любви заведёт...
 И прабабушка — грустная ива —
 Волжский ветер мне в косы вплетёт.

От любви, желанный, не спрячешься.
 Без моей любви ты наплачешься.
 Пусть злословят о нас соседушки,
 День деньской разводя беседашки.
 А я выйду во степь во широкую,
 То поакаю, то поокаю.
 Заплету я веночек ласковый —
 Чабрецовый-полынный-ромашковый,
 Для тебя хочу, для зазнобушки,
 Воссиять во тьме красным солнышком.
 От тебя хочу, от залеточки,
 Чтоб родились красивые деточки.
 Прилетишь ко мне ясным соколом,
 Беспечальная, сяду около.
 Чтоб соседушки растерялися,
 Языкастые, не кусалися.

Я — сова, и я вижу в сумерки,
 Как, подобный полчищу крыс,
 Род звериный в сплошном безумии
 Привыкает Россию грызть.
 Повсеместно возня крысиная.
 Ей людской безразличен суд.
 Знать, Россию мою былинную
 Грызуны без следа сожрут.
 Я — сова, потому — пророчица.
 И гореть грызунам в аду.
 Усмиряю серые полчища
 Тем, что с родиной я в ладу!

Отчий гол

Раскинул крону одинокий дуб,
 И ветер взвыл с тоскою непробудной.
 Всю ночь он осаждал наш старый сруб
 И скрёбся в двери, словно пёс приبلудный.
 И вот он — утонувший в лопухах,
 (В тоске бобыльной замерли ступени)
 Мой дом... В него влетаю впопыхах.
 Здесь по углам таятся предков тени.
 Сюда сбегу от толчеи людской,
 От суетных надуманных печалей.
 Я человек совсем не городской,
 И руки по работе заскучали.
 Глаза мои в Россию влюблены.
 В родной простор, где не увидишь края.
 Одна коса змеится вдоль спины,
 Скучает по траве коса другая.
 К родным просторам еду на поклон.
 Любить родное — добрая примета.
 И сыплет дождик золотой внаклон
 Высокое полуденное лето!

Пронзали птичьи стоны
 Полночной мглы оскал...
 Тот плач тебя не тронул,
 Бесстрастно ты молчал.
 Заря ночную темень
 Пронзила поутру.
 Проспал ты это время —
 И это не к добру.
 Ночная птица пела.
 Шиповник ликовал.
 Сирень в саду кипела,
 А ты, бедняга, спал.
 Уныло смотришь мимо.
 Грустить тебе не лень...
 ...А я неумоимо
 Цвету, как та сирень.

В окна глянет моя потаённая Русь,
 Заиграет на солнце оконце...
 Малой родиной с детства по праву горжусь,
 Здесь без дела сидеть не придётся.
 Отогреется спящий усталый народ,
 Он не рвался из грязи да в князи.
 Отогнал он врага от родимых ворот,
 Наподдав иноземной заразе.
 Взялся внук, как и предки его, за топор,
 Ладит избу — аж мышцы играют!
 Если надобно будет — какой разговор! —
 Вновь коня в честный бой оседлает.
 Не сидит за пустым неказистым столом,
 Не позволит себя обездолить.
 Ладит дедовский дом, что не пущен на слом,
 Землю предков отечески холит.

Расстелило лето разноцветный плед,
 И навек укрыло твой заветный след.
 Там, где собирал ты в поле васильки
 Для меня, гордячки, у родной реки.
 Помню, возгордилась и не приняла.
 Аленький цветочек от тебя ждала.
 Ты уехал, милый, аж за семь морей.
 В спину дул унылый ветер-сухоей.
 Вспоминаю с грустью юный тот букет.
 Вася-василёк мой! Не вернуть тех лет.
 Этот васильковый цвет твоих очей
 Часто вспоминаю в тишине ночей.

Источали ароматы
 В маминых ладонях
 Клевер розовый и мята,
 Золотистый донник.
 Крепко будучи заварен,
 Тот чаёк целебный
 Изводил все хвори-хмари,
 Врачевал проблемы.
 Приговаривала мама,
 «На любое НЕТУ
 Есть ответ короткий самый,
 Припасённый с лета...».
 Соберу и я ромашку,
 Иван-чай, душицу,
 Чтоб не пустовали чашки,
 Коль зима случится!

Винновка

Волга здесь — разливанное море,
 Распластался у ног подорожник,
 Синей кистью рисует цикорий —
 Всенародно любимый художник.
 Возвращаясь сюда, замираю
 Пред небесной святой колокольней.
 Благовестника песня по краю
 Понеслась, как вода по приволью.
 В дивном звуке печаль об утратах,
 Просьбы к Богу о хлебе насущном,
 Здесь не делят на бедных, богатых,
 Щедро делятся хлебом насущным.
 Звоны падают в синие волны,
 Что венчает высокое небо.
 Уезжаешь ты, верю полный —
 Непременно исполнятся гребы.

По зову молодой весны
 Разбудит птичье царство небо.
 И, зябкие отринув сны,
 Степь робко выйдет из-под снега.
 Блеснут внезапной белизной
 Берёзок голых перелески.
 И разнотравий гнёт густой
 Росток опять взлеет дерзкий.
 А в вышине степной орёл
 Крылами чутко воздух тронет.
 И пронесётся, как метеор,
 Прицельным оком даль догонит.
 И за каких-то два-три дня
 Примерит степь наряд весенний...
 И, не спросясь, войдёт в меня
 Простор степной, простор вселенной.

Догорающим листом
 Осень мне стучит в окошко.
 Я на встречу к ней с зонтом,
 В новых лаковых сапожках.
 Осень, осень, не зови
 Ты меня своей подругой.
 Сердце, полное любви,
 Не подвластно зимним вьюгам.
 В ярком пламени рябин
 Ковыляет дождик нудный.
 И завёл мотив один
 Шалый ветерок остудный.
 Осень всем подарки шлёт —
 Щедро золото рассыпает,
 Журавлей зовёт в полёт,
 И в простор души влетает.

Из вишен сочных, самых ранних,
 Спешу испечь тебе пирог.
 Алеют косточки в стакане,
 И по ладони брызжет сок.
 На белоснежном тесте сочно
 Рубины-ягоды горят...
 Июль-проказник напрозорчил
 Твой затаённо нежный взгляд.
 И сердце трепетное бьётся.
 Пирог уже почти готов.
 Быть может, счастье улыбнётся,
 Не обойдёт мой скромный кров?
 И дух вишнёвый в тихий вечер
 Напомнит, чтоб забыть не смог,
 Что где-то ждут с тобою встречи,
 Готовя для тебя пирог.

Наклонилось небес лукошко,
 Рассыпая снежок самый первый...
 Белоснежно кристальная крошка
 Мир покрыла пушистым пледом.
 Улетают мои печали.
 Побелели чёрные ночи.
 Посветлели шальные дали,
 Больше сердце тоска не точит.
 Я не брошенка — всё пустое!
 Первый снег никогда не растает,
 Я теперь не одна, нас двое!
 Может снег оттого сияет?!

Не видя кромку тротуара,
 Бреду по листьям наугад.
 Все говорили — мы не пара,
 А ты смеялся: «Что ж? Я рад!»
 Но если мы друзья и только,
 Что ж врозь ни дня нам не прожить?..
 Спекла блинков горячих горку,
 Тебя хотела угостить.
 Блинов не надо, ты ответил.
 Ты предпочёл бы торт с вином.
 И романтический, при свете
 Свечи, банкет, где мы вдвоём.
 И, сбросив платье, отсыяла,
 Грустит берёзка у окна,
 И в небо хмурое устало
 Всю ночь щетинится сосна.

Осенний дождь сегодня так некстати
 Бормочет мне упрямо: «Не уйду!»
 Горошинами сыплется на платье,
 Уселся на скамеечку в саду.
 Горит шиповник, в блеске ягод мокрых
 Минувшей встречи рдеет огонёк.
 Ковёр из листьев золотистой охры
 Намок, вконец скукожился, продрог.
 О, мой мирок, доселе безыскусный,
 Уютный... Ты разрушен навсегда!
 А дождь осенний серым взглядом тусклым
 За юные мечтания воздал.
 Случайно на окошко посмотрела —
 Охалка роз... Не верь своим глазам!
 И сразу вдруг на сердце потеплело,
 Я улыбнулась мокрым небесам.

Ещё вчера с влюблённым взглядом
 Бросал сирени он к ногам,
 Когда я шла весенним садом,
 Внимая птичьим голосам.
 Кровь на щеках вовсю играла,
 Косынка птицей с плеч рвалась,
 Крапива жгла — не обжигала,
 Не липла суетная грязь.
 Зачем опять, как праздный ветер,
 Калитку треплешь во дворе?
 Ведь мы с тобой давно не дети
 Участвовать в такой игре.
 И небосвод дождём затянут,
 И не дожидаться теплоты!
 И сад простыл... И — вянут-вянут
 В саду последние цветы.

Ветер пел, берёзку целовал
 В ласковые косы золотые,
 Тополёк за вихры потрепал
 И умчался в дали голубые.
 Я печали в сердце не таю,
 Не из книг о ветрености знаю.
 Я в раздумье у крыльца стою
 И душой берёзку понимаю.
 Ласково берёзкой величал,
 Я златые косы распустила.
 Но качнулся в сумраке причал,
 На который я едва ступила.
 Радуюсь за строгую сосну,
 Ей не страшно с осенью свиданье,
 Гордая, готовится ко сну
 В данном свыше колком одеянье.
 Ей вечнозелёный тот покой,
 В лютый холод ой как пригодится!
 Ведь сосну обходит стороной,
 Ветер, что колючек так боится.

Ночь. И костёр на песчаной косе
 Жарко горел, темноту освещая.
 Лес подошёл и, как будто присел,
 Чёрные лапы ветвей согревая.
 Чёрное небо и чёрный прибой,
 Сумерки, словно смола, загустели.
 А костерок среди тревоги лесной
 Жарко смеялся в холодную темень.
 Тёплой волной принимал он о мне,
 И отступал от меня торопливо.
 Дымом он ластился даже к луне,
 Словно щенок, всё ласкался игриво,
 Вдруг от реки перекатной волной
 Ветер дождливый в листе прокатился.
 Капли упали... одна за другой...
 И зашипев постаревшей золой,
 Силе небесной костёр покорился.

Ночь на сказки мастерица,
Ясну месяцу сестрица.
Сыплет звёзды с высоты,
Как созревшие цветы,
Над рекой, над тихим садом.
Ты поймай их цепким взглядом.
Три желанья загадай!
Звёздный шанс не прозевай!

Нагретый воздух над цветами млел,
И басовито посреди цветов
Пузатый шмель хозяйственно гудел,
И рыцарем стоял чертополох.
Средь русских неудобий не зачах.
Смазливую презревший красоту,
Он весь в колючках-терниях— шипах
Нёс свой цветок, как факел, в высоту.
Толпились рядом — горькая полынь
И незабудки — нежные цветы
С невинно томным взглядом голубым,
И ежевики колкие кусты.
Чертополох заботливей других
Свои цветы в ненастье закрывал,
Строптивый ветер чуть касался их.
Но чёрт хвостатый их облюбовал.
Колючий не сумел сорвать цветок—
Обжёгся, чертыхнулся и отверг!
... Чертополох вырастает вдоль дорог,
Как неизбывный русский оберег.

Полюбили Волгу-речку
За спокойный нрав и тишь,
Ждут ответного словечка
Гордый тополь да камыш.
— Ах, красавица-девица,
Тополь молвил молодой, —
От меня светлеют лица,
Я, как солнце, будь со мной!
Прошуршал камыш спокойно:
«Воду вверх твою несу,
Буду муженьком достойным,
Сберегу твою красу...».
— Ах, не спорьте, дорогие!
Я вам буду, как сестра,
Вы как братья мне родные,
Каспий люб, к нему пора.

Ах, не ласков ты, Север, холоден,
Хоть влюблён в тебя добрый молодец.
Выйдет во поле, там метелица
По следам его плачет, стелется.
Как омела, стала белёшенькой,
Ворожит, кружит, вяжет ноженьки.
А я смелая, я — волжаночка,
И на мне дорогая ушаночка.
Напою ромашкой венчальною,
Мы, волжаночки, все отчаянны.
Губы жаркие, губы алые —
Вмиг вселяются мысли шальные.
С северами дружок распрощается,
И со мною, волжанкой, останется.

Разбудил поцелуями в плечи,
 Дёрнул платья цветастый подол...
 Зашептал шаловливые речи.
 Что во мне ты, проказник, нашёл?..
 Я привыкла с зарёю трудиться!
 Ты всё бродишь, слоняясь без дел.
 Дверью хлопнул, взъерошил водицу,
 С любопытством в окно посмотрел!
 Лишь вчера ты нахально попытался
 Тихий сад мой листвой засорить,
 И сегодня — гляди! — расстарался
 Мне калитку со скрипом открыть.
 Ты свои озорные замашки
 Для морских парусов береги,
 Ветер, ветер, влюбляйся в ромашки,
 От меня лучше сразу беги!

Зацветёт весной черёмуха
 Аромат развеяв.
 И любовь сразит без промаха
 На её аллеях.
 Белый май поёт, кудрявится
 Чувствами играет.
 И кому-то кто-то нравится,
 Сердце замирает.
 Ты цветы, цветы, красавица,
 Побеждай и властвуй!
 У кого-то свадьба сладится,
 Состоится счастье.
 Буйный цвет к похолоданию —
 Это всем известно.
 Ах, как горячи свидания!
 На скамейках тесно.

На юру двадцать первого века,
 Где господствуют войны и ложь,
 Нелегко устоять человеку,
 Не продаться за ломаный грош.
 Это бесы безродные рыщут,
 Мутят воду на дне родников,
 В чьей душе поселиться подыщут,
 Превращая друзей во врагов.
 Пьют безродные, в людях отчаясь,
 Из колодца, в который плюют.
 Словоблудствуя и чертыхаясь,
 В чьём-то сердце находят приют.
 Слово русское мерзко поганят.
 Чтоб вовеки не сбыться мечте.
 Голос разума снова туманят,
 Приучают нас жить в темноте.
 Только русский плохому не верит:
 Осенит всемогущим крестом,
 И откроет заблудшему двери,
 Чтобы раскаяться снова потом.

В красном сарафане да с косою русою
 По степным раздольям и тропинкой узкою
 Девицей-красавицей ты идёшь на зорьке,
 Полю низко кланяясь, во родной сторонке,
 Ручейков журчания в песни превращая,
 Звоны колокольные с высотой венчая.
 Как рябины веточки ягодами рдеют,
 Так и в песне девичьей чувства не стареют.
 Наставляла матушка: по крупичам собраны
 Эти песни русские, нам в наследство отданы.
 И настало времечко песни эти пестовать,
 С песнею народною навсегда соседствовать.
 Песней колыбельною детушек качают,
 Песнопеньем батюшки молодых венчают.
 В красном сарафане да с косою русою
 Сила вековечная — песня наша русская.

По аллее олунённой
 Прогулялася весна
 Уверяя всех влюблённых,
 Много их, она — одна.
 Лёд раскалывала в лужах,
 Поднимала флаг зари,
 Подустала... И на ужин
 Напросилась, посмотри!
 К нам в окно она стучится,
 Не впустить и не прогнать,
 Очень хочет подружиться,
 Не даёт спокойно спать.
 Ах, весна, весна, подлиза!
 Развесёлая, входи!
 Мне настрой осенний близок
 Нам с тобой не пути!
 Но впущу тебя, красотку,
 Ради милых сыновей.
 Научи-ка их, молодка,
 Жить, любить, рожать детей!

Потемнеют снега, и ручьи побегут,
 Насыщая живительной влагой поля.
 И зелёною песней леса оживут,
 Первоцветами вспыхнув, проснётся земля.
 Стану каждой берёзке названной сестрой,
 Все январские хвори-печали не в счёт,
 И поверишь: зелёную веточку тронь,
 И почувствуешь — силушка в жилах течёт.
 На заре ты с берёзок серёжки сорви,
 И с вечерней зарёй положи в кипяток.
 И всё то, что копила берёза внутри,
 Ясным утром поможет шагнуть за порог.
 Эту силу земную зазря не потратить,
 Всё живущее словом приветным согрей.
 И сумей ослабевшему руку подать,
 Сделать очень счастливым кого-то сумей.

Радость вешняя сердце безудержно полнит,
 Жаворонков вовсю окликают ручьи.
 День весенний чудесный, он год целый кормит,
 Ты на поле спешишь, рукава засучив.
 Солнца луч золотой, согревающий землю,
 От землицы крестьянину вручит ключи.
 Настоящий хозяин весною не дремлет,
 Чтоб сполна золотой урожай получить.
 А на лавочке, щурясь, уселись старушки,
 Что с делами управились с первым лучом.
 Щедро сыпет весна ребятишкам веснушки,
 И пасхальным манит заварным куличом.

Я который денёк — не та,
 Мысли кружатся тоже не те...
 Все слова твои что? Вода!
 И душа моя в темноте.
 Я могла бы сводить с ума,
 В сарафанчике щеголять.
 Не страшна мне была зима
 Я умела снега сжигать.
 Что ж сегодня в душе снега?
 Душен мне двадцать первый век...
 Знать, не тем я молюсь богам...
 Знать, не тот со мной человек.

Поэтессе Ольге Полухиной

Ты выходишь на сцену спокойно
 И не прячешь от публики глаз,
 Хоть и скачет порой своевольно
 Твой дружок — серебристый Пегас.
 С ним летаешь свободно птицей...
 И под хохот метельной зимы
 С русским Словом смогла подружиться
 Чтобы слово слышали мы.

Ночная мгла сгущалась у земли,
 Суля земному тихую прохладу.
 Гитара во сиреновой дали
 Терзала душу терпкою усладой.
 Помигивал костёр мне на ветру,
 И тлела на лице твоём улыбка.
 И счастье, что рождалось на юру
 В минуты эти не казалось зыбким.
 ...Прошли года, я снова у костра
 Под сенью отцветающего сада.
 Но на душе осенняя пора,
 С которой нету никакого слада.

Луна в окно вползла приبلудой,
 Блестит звезды немой осколок.
 Озноб разлуки с милым колок,
 И на душе моей остуда.
 А счастье было близко, рядом,
 Но — до звезды не дотянуться!
 И не объять просторы взглядом,
 А только в мыслях улыбнуться.
 Синицы, галки, воробьишки
 Доверчиво едят с ладони,
 И уверения излишни,
 Что руки злые их не тронут.
 Так я, презрев злословье люда,
 Сидела на твоей ладони...
 Об этом и доселе помнит
 Луна, небесная приبلуда.

Нисходило солнце с лесополосы,
 Рассыпало щедро капельки росы.
 Приняла за бусы солнечную нить
 Юная осока, ей ли не форсить?
 Колкая, но в клевер влюблена давно,
 Клеверу, похоже, это всё равно.
 Клевера осока так не дождалась,
 Под косой на зорьке наземь улеглась.
 Как это ни грустно, как ни назови,
 Но не пригодились бусы для любви.
 ... То-то сенокосу вдоль степных дорог
 Чтоб в возок подбросить пряный клеверок.

Сергей Есенин светлоликий!
 Дай сквозь столетья руку мне!
 Чтоб свет берёзы, свет великий
 Зажёгся в сумрачном окне.
 Зазвал Россию голос звонкий
 В твои рязанские края,
 Где от костра рябины тонкой
 Зажглась поэзия твоя.
 В глубинке сердце бьётся чаще,
 Чем на московских мостовых.
 Ты называл себя пропащим,
 Но стал любимцем всех живых!
 Страной берёзового ситца
 Ты всех навеки покоришь.
 И конь твой мчится, мчится, мчится
 По стороне, что ты любил.

Весной кипящей мне хотелось
 Испить черёмуховый май.
 Тогда мне дома не сиделось!
 И словно даже невзначай
 Задорно, даже в злую осень,
 Мои стучали каблучки...
 И не печаловались вовсе
 Во мне грядущие стихи.
 И сердце вовсе не забилося,
 (Могу признаться я сейчас),
 Когда я всё же согласилась
 В твой сад зайти в полночный час.
 Опали пышные соцветья,
 Развеян дивный аромат,
 Что волновал нас полстолетья...
 ...Зачем же звать в осенний сад?

Я по-женски пошутила —
 Просто взгляд не отвела,
 Словно ненароком «милый»
 Называя не со зла.
 Провожатым напросился,
 Напрочь вдруг презрев молву.
 И ужасно удивился,
 Что на кофе не зову.
 Проводить-то разрешила,
 А вот в дом не позвала.
 Я по-женски пошутила —
 Не сказала, что могла.
 Что втроём нам будет тесно,
 Что я дома не одна...
 ...Ждёт меня за занавеской,
 За цветастой занавеской
 Одинокая луна.

Я случайно вошла в твой безветренный сад
 В час, когда бушевало на сердце ненастье.
 Ты, как будто нечаянной встрече был рад,
 И пошла я с тобой за обещанным счастьем.
 Ты без ласковых слов, без подаренных роз
 Для меня с каждым днём становился желанней,
 Но, меня понимавший как будто всерьёз,
 Почему-то ты долго не делал признаний.
 Ты свой холод в душе перевозданный хранил,
 Расцветая нарциссом свободным и гордым
 Ты меня беспристрастьем бездушно дразнил,
 Любовался собой, оставаясь холодным.
 ...Годы шли, как нарцисс, ты в саду отцветал,
 В дальний край мой примчался в любви признаваться.
 С запоздалым букетом пришёл на вокзал,
 Удивляясь, что я не просила остаться.

Когда от горя сердце разрывается,
 Когда стою у бездны на краю,
 И недруг ядовито улыбается,
 Почувствовав встревоженность мою.
 Я верю — я жива среди безмолвия.
 Порою чем безрадостней юдоль,
 Тем ярче в тёмном небосводе молния,
 И тем доступней жизненная соль.
 Я вспоминаю — солнышком обласкана,
 Как с мамой, обнималась я с рекой.
 Вдруг захочу, усталая, так явственно
 В тот мир согласья, где царит покой.
 Я не замечу камень, кем-то брошенный,
 Наивно веря — рядом лишь друзья.
 ...Я даже в недругах ищу хорошее,
 Иначе в жизни выстоять нельзя.

Зима по-русски — вьюги да снега,
 По ставенки засыпаны селенья.
 И труб печных небесное моление,
 Снегов земных кристальные стога...
 Здесь испокон веков топили печь,
 Обедали наваристыми щами,
 Сумерничали долго вечерами,
 Неспешную вели друг с другом речь.
 Мороз в России — мамочка, держись!
 Собак, жалея, запускали в сенцы.
 Но знает деревенский с малолетства,
 Что без морозца русскому — не жизнь!
 Болезни гнали банькою взашей,
 И баловались водочкой немного,
 И называли жён своих за строгость
 Царицами расейских курмышей!

С отцом не говорила о войне,
 Чтобы больную не тревожить память.
 Отец порой кричал: «Огонь!» во сне,
 И мы в испуге прижимались к маме.
 Успел сказать он маме о любви
 Совсем немного... Из её объятий
 Ушёл туда, где страшные бои,
 И воздух глух от вражеских проклятий.
 Ещё я помню крики матерей,
 На сына получивших похоронку...
 Что может быть ужасней и больней,
 Чем потерять любимого ребёнка?!
 Утрат военных боль... Её сполна
 Узнал народ мой, богатырь былинный.
 Когда неважно — мать ты иль жена.
 Ты потеряешь мужа или сына.

Любимому поэту

Для тебя я была чужой,
 Но заметил меня однажды,
 Я однажды вешней порой
 Смастерила корабль бумажный.
 Он недолго плыл, утонул:
 Захлебнулся в бурном потоке.
 Руку помощи ты протянул
 В этом мире, порою жестоком.
 Ты корабль запускал другой,
 Он, небесный, парил свободно,
 Ты совсем не гордился собой
 Хоть любимец был всенародный.
 Пусть нагрянет порой печаль,
 Что зазря свои силы трачу,
 Раздружусь со стихами едва ль,
 Коль взглянула на мир иначе.
 За меня тебе не краснеть,
 Я поспорить могу с судьбою.
 Смело людям в глаза смотреть,
 Ведь корабль не бумажный строю!

Осеннее утро в Винновке

В камышах неподвижную воду
 Крепкий утренник нынче схватил.
 Я намедни ругала погоду —
 Дождь грибной день деньской моросил.
 Мы приехали в Марьевку... Значит
 Будем воздух Отечества пить!
 Это родина, это — не дача.
 Нам без Родины малой не жить.
 Вольный ветер споткнулся о горы,
 Заворчал в суходольях, как дед...
 И раздвинув небесные шторы,
 Запоздалый забрезжил рассвет.

Живую веточку смородины
Сломали колкие снега,
Но близится весны рапсодия,
И звоном полнятся луга.
И я, расставшись с одиночеством,
Для новых чувств ищу слова,
Хотя по имени без отчества
Кто назовёт меня едва.
И отвязались мысли грустные
Нелепым чёрным вороньём,
И я, как те юнцы безусые,
Бегу босая под дождём.
Мне поздно жизнь переиначивать...
Что пересуды за спиной?
Они с годами мало значимы,
Ведь я всегда была собой:
Не сдавшейся снегам смородиной
Я расцветала по весне,
Слагала вешнюю рапсодию,
Гуляя с милым при луне.

Печально российское наше предзимье:
Деревья раздеты, а снега всё нет.
И темень неволью рождает унынье,
И ветер выводит печальный сонет.
Стареющий дуб склонился сутуло,
Молчит, цепенея... Я в полубреду
Свернула понуро в родной переулочок...
Ужель от зимы я хорошего жду?
Природой суровой неволью ранима,
В ответ на вопросы «Ты как?» отмолчусь,
Но вдруг загорюсь, словно ветка рябины,
Предзимью, как другу, светло улыбнусь.
И миг поменяется жизни картина,
И ветер не встречный — попутный вослед.
Я знаю, что в жизни всё-всё исправимо,
Как только с небес просыпается снег.

Когда подступала беда нестерпимо,
Вставала в глазах непроглядная мгла,
У дома холодного злая крапива
Усталые руки безжалостно жгла,
Я в лес уходила, где речка струилась,
И ветви ракиты качала вода.
И солнечно тихая даль серебрилась,
Невзгоды мои унося без следа.
Училась у речки моей светлоокой
Нездешней небесной её глубине.
И — полные веры чудесные строки
С внезапною силой звучали во мне.

Вьюги тревожные — песни прощальные.
Русской деревни годки сочтены.
Кто-то затеплил лампадку в отчаянье,
И безысходностью окна полны.

Милая родина, домик бревенчатый
Тонет, родимый, по ставни в снегу...
Богом забытый, с метелью обвенчанный,
Дом этот в сердце своём берегу...

Он согревал меня в зимушку вьюжную,
В жизнь от родного крыльца я ушла.
Пела калитка мне песню недужную,
В дом опустевший вернуться звала.

Ёлочка, ёлка моя одинокая,
Слышишь ли ты, как вороны ворчат?
Ветер-старик грустно ставнями хлопает,
Дом одряхлел, а морозы трещат.

Я исходила дороженьку долгую,
Но возвратилась свой дом обживать.
Чтобы как прежде за милюю Волгою
Даль заревую увидеть опять.

Отощает в зиму дровеница,
Заготовке дров выходит срок.
Не пристало на селе лениться,
Хоть приволен волжский бережок.
В знобкий день над Волгой синеокой,
Юный ветерок притих-примолк,
Древних и седых ветров потоки
Треплют чудом выживший листок.
Потемнело ласковое небо
В кружеве летящих облаков.
С облаками ввысь уплыть и мне бы!..
...Только в зиму как прожить без дров?

Казалось, всё предрешено,
Оборвалось, не став началом.
Судьбой-злодейкой не дано,
Чтоб вечно музыка звучала.

Всё улеглось, всё отлегло.
Всё невозможное — возможно!
И вот — весна, а с ней тепло!
И к солнцу выйдя осторожно

Я отвернуться не смогла,
Лучами вешними согрелась,
Хотя мне вовсе не хотелось,
Чтоб флейта в сердце ожила.

Но что поделаешь? Весна!
Легко, с завидным постоянством
Лишает нас покоя, сна,
Любовным потчужа лекарством!

Не жаль, что чувству поддалась
И вновь прошлась цветущим садом.
Пусть обманулась, обожглась,
Но вновь обманываться рада.

Нам душ родство даётся свыше,
Как зрелость, ясность и покой.
Я даже вдалеке услышу
Твой зов осеннею порой.
Плывёт знакомою тропую
Далёкий месяц в звёздный сад,
И вдохновенье неземное
Влетает в душу без преград.
Мне так легко с тобою рядом
Вдыхать медовое тепло.
Лететь осенним листопадом
И ветру подставлять крыло.

Утром зима новым снегом легла,
Колокол главный пропел благовестье,
И засияли церковью купола,
Свет золотой унося в поднебесье.

Вьюжные замаяти сельских дорог
Полям легли до небесного свода.
Солнце сияет, над крышей дымок,
Отбушевала вечер непогода.

Мама связала ажурный платок,
Видно, узор из окна подсмотрела,
Он незабвенною памятью лёг,
Тихою грустью в висках побелелых.

Знаю, три вдоха и мне до конца,
Этот платок надеваю с волненьем,
Снег убираю, стою у крыльца,
Дети приедут — сегодня Крещение.

Выпало счастье: на родину
В волжский посёлок плыву.
Да, говорок тут особенный,
Истари окают тут.

Думаю думку, а сдюжит ли
Новый разор моя Русь?
Где моё женское мужество?
Вмиг за себя устыжусь.

Дом мой на самой окраине
Дремлет...беззвёздная ночь,
Полная русскою тайною.
Я ли России не дочь?

Стайка синиц непоседливых
Засуетилась в кустах...
Вышла сестра и приветливо
Свет зажигает в сенях.

Мы ль не родные? Не дружные?
Ужин давно на столе.
С нами соседи радушные,
Поговорим о селе.

Трудится русский без роздыха!
Дом для него — божество!
Крепок от волжского воздуха!
Разве осилишь его?

От жары изнывая безветренный день,
Укрывался стыдливо багрянцем заката.
И тревожила душу неясная тень,
Но внезапно дождя зазвенело стоккато.

Тихо, робко, потом всё задорней, звончей
Крупный дождь барабанил нахально по крыше,
Ручейками стекал с изумрудных ветвей,
А потом становился всё тише и тише.

На открытой террасе, увитой плющём
Ты сумёрничал, чай разливая по чашкам.
Любовался коротким внезапным дождём.
Я внезапно вошла — ароматом ромашек.

Я вошла ароматом душистых лугов,
Что доверил лишь мне этот ласковый ветер.
До крыльца проводивший, вдруг был он таков —
Превратившись в сиреневый сказочный вечер.

И припомнилось мне, как под всхлипы дождя,
Под рыданье капризной расстроенной скрипки,
Что смеялась и пела, любовью дразня,
Ты впервые, впервые целуя меня,
Полевые цветы подарил мне с улыбкой.

Осень на Дегтярке

*Памяти художника
Евгения Бутенкова*

Этим дивным пейзажем художник
Память в сердце моём воскресил:
Помню, хмуро накрапывал дождик,
А мой сын карасей наловил.

Бросил рыбу в ведро с криком: «Солнце!
Мама, глянь же, я солнце поймал!
Даже — два!.. что ты, мама, смеёшься?
Я же с донца два солнца достал!..»

В октябре одиноко речушке,
Что Дегтяркою кличет народ.
Дарят золото ивы-подружки,
Вкруг Дегтярки ведут хоровод.

С янтарём распрощалась берёзка,
И тоскующие небеса
Птицы режут прощальной полоской,
И не скоро вернуться назад.

Замарашка-Дегтярка, напomini,
Как выросли мои сыновья.
Ты из тех незатейливых скромниц,
На которых держалась семья.

Мне напомнил художник, чья слава,
Улетела, как песня в зенит,
Чья семья, и село, и держава
На таких вот «дегтярках» стоит.

По картине Е. Бутенкова «Ветреный день»

Над Россией рассветы тревожны,
Над Россией сгущается тень,
Но в рассвет уходящий художник,
Сделал всё, чтоб приблизился день.

Под ногами лесная тропинка.
Лес едва различимый для глаз.
Придорожная эта травинка
Королевой посмотрит на нас.

Колокольчик поник тонконогий,
Искупавшись в пыльной пыли
И зелёные жала осоки
Наклонились до самой земли.

Ветер воет осиново-горький,
Только лес молодой не сломить,
Веселится, зелёный и стойкий,
Ведь ему, непокорному, жить!

Над рекою Волгой, где закат качала,
Тишину качала синяя волна,
Солнечные ивы ветви умывали,
И легко ложилась в душу тишина.
В тишине рождались нежные напевы
С тонким переливом самоцветных слов.
А луна шальная загулявшей девой
По небу сплетала сети сладких снов.
Снова бабье лето светом озарило
Волны тихой речки, в небесах звезду...
Это будет, будет... Это было, было.
Веткой или ветром, но сюда приду.

Непрошено приходит осень.
 Среди жёлтых листьев зелень сосен
 Напомнит летнюю уладу.
 Иду одна пустынным садом.
 Где в годы юности поспешной
 С тобой расстались мы безгрешно.
 Был небосвод без облаков,
 И для меня без лишних слов
 Ты был тогда на всё готов.
 Я, дерзновенно вскинув бровь,
 Тебя дразнила вновь и вновь.
 Я попрощаться не пришла,
 Сославшись гордо на дела.
 Во мне ещё любовь спала,
 Посыпал мелкий дождь потом.
 И осень мокрым рукавом
 Смахнула тоненькую нить,
 Что нас могла соединить.
 Но я не верила тогда,
 Что так бывает, поезда
 Увозят милых навсегда.

Молочный туман цедит утренник ранний,
 И белые росы раздольно легли.
 И травы смешались, уже без названий,
 Впитавшие соки родимой земли.

Безрадостно. Стужа весь день по округе
 Вплывает угрюмый узор в небосвод.
 И дремлет дорога, а ветер о вьюге
 Опять заунывную песню поёт.

Я в сад выхожу, где земля поседела,
 Деревья готовятся к зимнему сну.
 Но, чу! Где-то дятел берётся за дело,
 И тёплую в сердце впускает волну.

Зовусь я рекой Татьянкой,
 Мне в водах зарю купать
 И поймам порою жаркой
 Величие возвращать.

Не зря я беру начало
 Из русской души святой...
 И силы я там черпала,
 Чтоб слиться с большой рекой.

По знатным приволжским далям
 Сказанья мои плывут
 О жизни в любимом крае,
 О людях, что в нём живут.

Но посвист всё чаще слышу
 Разбойника-соловья,
 И леший зловеще дышит
 Они с соловьём — друзья.

...Но если за правое дело
 Предстанет смертельный бой,
 Благославляю смелых
 Святою своей водой.

Травы напоены солнечным соком,
Утро коснулось ладонью земли,
И разливается алость востока,
Домик отеческий вижу вдали.

Сразу уходят былые напасти,
И ощущаю я сердцем тепло,
С первым лучом пробивается счастье,
Как же родиться мне здесь повезло!

Мама корову на луг выгоняет,
Стадо уходит к туманной реке,
Чайка пугливая ввысь улетает,
Крестик оставив на мокром песке.

В нашей голландке огонь догорает,
Горка блинов и кувшин молока,
Устали мама, как прежде, не знает:
Дочка приехала издалека.

В парке грустью осенней шуршала листва,
Гуси резали синюю просинь.
И твои золотые слова-кружева
Греют только озябшую осень.

Хризантемы в руках — наш осенний портрет,
Засверкают красой небывалой,
Излучая нездешний божественный свет,
Символ нашей любви запоздалой.

Осень бросила в лужи холодный хрусталь,
И прозрела я ночью беззвёздной.
Мне не осень на сердце вселила печаль,
А вдохнула я воздух морозный.

Ты прости, что сверкнула лучом бирюза
Глаз моих и сумела поранить.
Поздно! Лето не знает дороги назад,
Только плод оставляет на память.

Пропев зелёные куплеты,
В тиши полей, среди дубрав,
На глине оскользнувшись, лето
Упало, от дождей устав.

А помнишь, струйкой проливаясь,
Дрожало венчиком цветка,
И птичьим звоном пополняясь,
Летело лето в облака?

Густели травы, наливаясь,
И ельник лапы поднимал.
Смолой янтарною стекая,
Сиял в ночи луны овал.

Лукаво лето улыбалось,
Скользило тонко по губам,
И недопетым оставалось,
Тревожа душу по ночам.

Та недосказанность взрастала
Густой спесивой лебедой,
Колючей горечью вокзалов,
Что становилась нам судьбой.

Но несмотря на горечь, лето
Сияло пижмою в цветках.
Татарник розовым рассветом
Светился утром в облаках.

Печально голову склонив,
Я даже у плиты надгробной,
В смерть не поверив всенародно,
Скажу стократно: Пушкин Жив!

Он жив, он словом синеву
Пронзает праведною силой,
Любовью к Родине томимый,
Он пишет новую главу.

Том пушкинский в руках держу,
Когда в душе царит тревога.
Его пророчества — от Бога,
Безмерно ими дорожу.

Не покидай меня, пиит,
Народным памятником ставший.
Пусть дух озябший и уставший
Твой светлый образ оживит.

Весной под яблоней — комки
Из чернозёма влагой дышат.
На них трепещут лепестки
Отцветших облетевших вишен.

Не удивляюсь, что с того?
Земное вновь уходит в землю,
Не исчезает ничего —
Круговорот судьбы приемлю.

Вновь осень запалит огонь,
Чтоб всё спалить, он будет ярок.
И упадёт в мою ладонь
Одно из запоздалых яблок.

И жизнь продолжит свой разбег,
И в том — её непостоянство.
И побеждает белый снег
Опять зелёное пространство.

Гуляют тучи, на дворе засентябрило,
Холодным инеем мой край посеребрило.
Рождался день дождливым утром непогожий,
Забрал веселье и раздал зонты прохожим.

И разве осенью погоду угадаешь?
Ведь осенины никогда не ожидаешь.
Но голос в трубке, непривычно растревожив,
Уносит все сомненья, их итожа.

И катер плыл, у берегов сердились волны.
И мы одни с тобой, волненьем встречи полны.
И, как в награду, в поднебесное оконце
Взглянуло ласково полуденное солнце.

И отливали волны золотистым светом,
Но не утешить сердце, ждавшее ответа.
Горит рябина вновь справляя именины.
И это просто — осенины, осенины...

Солнце всклень затопило землю
Победительно ярким светом.
И луна обиженно дремлет,
Полубуйтесь красоткой этой.

Степь! Я вышла тебе навстречу
Там, где солнце рисует тени.
И особо к теплу доверчив
Косогор мой, Ярилы пленник!

А дорога рекой стекает
Через впадины и пригорки.
Степь моя, ты одна такая!
Вся пропахла полынью горькой.

Пусть ромашки — дневные звёзды —
Мне раскроют навстречь ресницы!
...И совсем, и совсем не поздно
В Русь мою в сотый раз влюбиться!

Шли недели и минуты
 Пролетали. Мы как будто
 Дней весны не замечали.
 Только снег темнел и таял.
 Только вороны кричали
 В этот день необычайно.
 И зимы дыханье лютой
 Исчезало за минуты.
 И легко вживалось просто
 Без сомнений и вопросов
 Как сквозь мёрзлое стекло
 В нас забытое тепло.
 Непривычно став послушной,
 Утолив больную душу.
 И к твоим прильнув губам,
 Подала тебе я руку,
 Подчинившись дивным звукам.
 Навсегда с любимым буду!
 Навсегда с любимым буду!
 И любовь — земное чудо —
 Неподвластное годам,
 Лютой стуже — не отдам!

Вешняя сюита

Диптих

1

Скрипка в облаках играет.
 Луч-смычок вовсю искрится.
 Это музыка из рая —
 Суждено ей было сбыться.

Скрипке подпевает ветер.
 Как солист, сдаёт экзамен.
 Тополь, серебрист и светел,
 Музыкае внимая, замер.

Я не разбираюсь в жанрах
 Сонатин, сюит, рапсодий...
 Эта музыка, пожалуй,
 Выше жанров и мелодий!

Неспроста сердца пленяет,
 Повсеместно знаменита,
 Эта музыка из рая,
 Эта вешняя сюита.

2

Весна вошла, красой сияя,
 Сверкнула синевои реки,
 И, изумруды зажигая
 Прикосновением руки.

И по особенному звонок,
 В предошущении чудес
 Высокий вешний жаворонок
 Пролился с голубых небес.

Зажёг повсюду первоцветы,
 Раскрасил небо бирюзой...
 Наверное, он был поэтом —
 Тот жаворонок молодой.

Влюблённость в жизнь

Поэзия есть одна из форм влюблённости в жизнь, одна из форм любви ко всему живому и сущему на земле. Иначе она не поэзия. Творец сотворил нас из чувства любви.

И если мы занимаемся творчеством, то просто обречены любить то, что создаём, и тех, для кого создаём. Но порой начитаешься заполонивших патриотическую русскую литературу плаксиво-надрывных стихов о вконец погибшей России или лобовых псевдо гражданских стишат, которых даже на приличном митинге читать зазорно, и ловишь себя на мысли, что не рождают такие стишата желания надеяться, верить, любить и страдать... А именно этого ждёт читатель от поэта во все времена, а в наше сумеречное время в особенности. В блокадном Ленинграде, когда голодную жизнь от голодной смерти разделяли минуты, тогдашние власть имущие не рассуждали об официальной и альтернативной экономике, а инициировали перевод и издание «Божественной комедии» мирового классика Данте. По радио звучали стихи русских и советских классиков, в условиях отсутствия хлеба насущного заменявшие хлеб духовный, будившие в усталых и отчаявшихся людях ту жажду жизни, которое есть единственное лекарство против смерти. Ту священную жажду, о которой коренной петербуржец Александр Блок задолго до войны сказал: «В стихах должно быть удесятерённое чувство жизни». Главное достоинство этой книги — та самая влюблённость в жизнь в самых разных её проявлениях, которое есть лучшее лекарство против уныния. А именно оно, тотально охватывающее многих наших совре-

менников, является, вспомним, одним из самых тяжких грехов! Перефразируя шутку «Если пациент хочет жить, то медицина бессильна!», скажу так: «если народ хочет жить, то власть бессильна!». Татьяна Викторовна не бичует направо-налево власть имущих лобовыми лозунгами, не грешит безысходной скорбью по поводу поруганной России. Она просто любит Родину и заряжает этой своей любовью — материнской, дочерней, сестринской — нас, читателей. В одном из своих стихотворений автор этой книги говорит о «знобющем свете» (замечательный — трагический и в то же время жизнеутверждающий образ, которому позавидует самый выдающийся поэт), но свет, исходящий от стихов Татьяны Коковиной не знобит. Он греет, вселяет надежду на лучшее, веру в лучшее, любовь к лучшему. Даже самые, казалось бы, грустные стихи Татьяны Коковиной — светосны. Потому что (вспомним лермонтовскую ундину из «Тамани!») — где грусть, там и до радости недалёко.

Татьяна Викторовна не молода, но в её конкретном случае имеет смысл говорить о творческом потенциале. Я уверена, что если бы в своё время Татьяну Викторовну так не увлёк водоворот жизни — семья, дети, работа, друзья, природа и так далее, если бы осталось у «однолюбки» Коковиной хоть малость времени ещё и на любовь к литературе в более системном виде этой любви, мы бы на сегодня имели в лице Татьяны Коковиной одну из самых ярких лирических поэтесс Самарского края. Все исходные данные, как говорится, наличествовали, просто судьба сложилась так, а не иначе. А подспудно хранимая в душе автора этой книги любовь к поэзии всё-таки дала себя знать, и не могло быть иначе. Это — третья книга стихов Татьяны Коковиной. Но дело не в количестве книг.

Дело в том крепнувшем голосе и мастерстве, который я наблюдаю последнее время, как руководитель литобъединения, в творческий актив которого входит автор этой книги. Как руководителя литобъединения меня радует готовность, с которой Татьяна Викторовна откликается на

любые творческие начинания, будь то театрализованное мероприятие, выступление перед школьниками или ветеранами. Талантливый человек, она тем не менее умеет чувствовать корпоративную этику, что я очень ценю в авторах. А как поэтессу, меня привлекает та органика, с которой Татьяна Коковина повествует в своих стихах о самых простых, даже житейских вещах. Я человек, в поэзии искушённый, и даже отчасти поэзией отравленный, удивить меня сложно, если возможно вообще. Но Татьяне Викторовне это порой удаётся. Один её «знобящий свет» чего стоит!.. Собственно, органичность интонации и есть тот самый, похожий на привидение, талант, о котором много говорим, но мало кто его видел, она в естественности интонации, в исповедальности общения автора с читателем, как давно знакомым человеком, в распахнутости и доверительности, в межбуквенном пространстве, в конце концов. В живых стихах, понаблюдайте сами, это самое межстрочное пространство — живое, оно пульсирует, дышит. А в мёртвых стихах, какими бы «сделанными» они ни были, это пространство мертво, напоминает воду — чистую, но дистиллированную. А вот стихи Коковиной — вода живая, родниковая, где порой и на песчинку наткнёшься, а всё едино, такая вода куда как вкуснее и полезнее стерильной дистиллированной. Так и у Татьяны Викторовны — профессиональным-то писательским глазом, что говорить, на «автопилоте», ловишь какие-то «косяки», которые, впрочем легко исправимы.

И тут же прощаешь Коковину, как читатель, до сердца которому она сумела достучаться... В балете есть выражение «Приходит опыт — уходит прыжок». Поэт должен стремиться к тому, чтобы нарабатываемый им опыт стихосложения не влиял на высоту прыжка, дерзновенность полёта. Чего я от души желаю автору этой книги!

Диана Кан,
*руководитель народного литобъединения
«Отчий дом»*

Содержание

Эдуард Анашкин. «Флейта в сердце ожила...»	3
«Сегодня с яблонь цвет летит...»	14
Поэзия	14
«Платья, платишки и платица!...»	15
«Не видела лета зелёного...»	15
«Разрумянится лицо...»	16
«Ну наконец-то маковый закат...»	16
«В кошельке звенит уныло медь...»	17
«Стонал под ветрами усталый лес...»	17
В Санкт Петербурге	18
«Непутёвая, непутёвая...»	18
В день рождения Ю.П. Кузнецова	19
«Тебе я по наивности своей...»	19
«Ветер рвётся непослушным...»	20
«Зима исходит песней колыбельной...»	20
«Солнце, лучиком звонким согрев...»	21
Осеннее глагольное	21
«Ветер заводит унылые речи...»	22
«По тропинке края отчего...»	22
«Мы шли с тобой вдвоём, весне на зависть...»	23
«Я помню, как всё это было...»	23
«Живи и здравствуй, славный Град Петров!...»	24
«Осень поздняя не раскисла...»	24
«Пусть юность бродит за околицей...»	25
«Не раз и не два изнашивал...»	25
«Вокруг не ходил да около...»	26
«За окном пламенеет мороз...»	26
«Наконец-то явилось лето...»	27
«Неужель мою Россию...»	27

«Ветер в шубе песцовой белой...»	28
«Светлоликий мой, сам ты себе господин!..»	28
Картине Евгения Бутенкова «Берёзовый полдень»	29
«В окне свежих примул букетик...»	29
«Небо хмурое копит свет...»	30
«Тихо в четыре руки...»	30
«Воздух застывший тяжёл и недвижим...»	31
«Ужели и птицам печали знакомы...»	31
«Лука Самарская! Красой похвастай!..»	32
«Нынче прошлого нет и в помине...»	32
«Кто в берёзовой роще однажды бывал...»	33
«Маршрут автобусный с названьем «Липяги»...»	33
«Он восхищался лондонским туманом...»	34
«Степь привольная необъятная...»	34
«Расскажу-ка я батюшке-лесу...»	35
«От любви, желанный, не спрячешься...»	35
«Я — сова, и я вижу в сумерки...»	36
Отчий дом	36
«Пронзали птичьи стоны...»	37
«В окна глянет моя потаённая Русь...»	37
«Расстелило лето разноцветный плед...»	38
«Источали ароматы...»	38
Винновка	39
«По зову молодой весны...»	39
«Догорающим листом...»	40
«Из вишен сочных, самых ранних...»	40
«Наклонилось небес лукошко...»	41
«Не видя кромку тротуара...»	41
«Осенний дождь сегодня так некстати...»	42
«Ещё вчера с влюблённым взглядом...»	42
«Ветер пел, берёзку целовал...»	43
«Ночь. И костёр на песчаной косе...»	43
«Ночь на сказки мастерица...»	44
«Нагретый воздух над цветами млел...»	44
«Полюбили Волгу-речку...»	45
«Ах, не ласков ты, Север, холоден...»	45
«Разбудил поцелуями в плечи...»	46
«Зацветёт весной черёмуха...»	46

«На юру двадцать первого века...»	47
«В красном сарафане да с косою русою...»	47
«По аллее олунённой...»	48
«Потемнеют снега, и ручьи побегут...»	48
«Радость вешняя сердце безудержно полнит...»	49
«Я который денёк — не та...»	49
«Ты выходишь на сцену спокойно...»	49
«Ночная мгла сгущалась у земли...»	50
«Луна в окно вползла приبلудой...»	50
«Нисходило солнце с лесополосы...»	51
«Сергей Есенин светлоликий!..»	51
«Весной кипящей мне хотелось...»	52
«Я по-женски пошутила...»	52
«Я случайно вошла в твой безветренный сад...»	53
«Когда от горя сердце разрывается...»	53
«Зима по-русски — вьюги да снега...»	54
«С отцом не говорила о войне...»	54
Любимому поэту	55
Осеннее утро в Винновке	55
«Живую веточку смородины...»	56
«Печально российское наше предзимье...»	56
«Когда подступала беда нестерпимо...»	57
«Вьюги тревожные — песни прощальные...»	57
«Отощает в зиму дровенница...»	58
«Казалось, всё предрешено...»	58
«Нам душ родство даётся свыше...»	59
«Утром зима новым снегом легла...»	59
«Выпало счастье: на родину...»	60
«От жары изнывая безветренный день...»	61
Осень на Дегтярке	62
По картине Е. Бутенкова «Ветренный день»	63
«Над рекою Волгой, где закат качала...»	63
«Непрошено приходит осень...»	64
«Молочный туман цедит утренник ранний...»	64
«Зовусь я рекой Татьянкой...»	65
«Травы напоены солнечным соком...»	66
«В парке грустью осенней шуршала листва...»	66
«Пропев зелёные куплеты...»	67

«Печально голову склонив...»,	68
«Весной под яблоней — комки...».....	68
«Гуляют тучи, на дворе засентябрило...»	69
«Солнце всклень затопило землю...»	69
«Шли недели и минуты...»	70
Вешняя сюита.....	71

Диана Кан. Влюблённость в жизнь

Литературно-художественное издание

Татьяна Викторовна Коковина

ВЕШНЯЯ СЮИТА

Стихи

Редактор-составитель — *Д.Е. Кан*

Издание подготовлено
Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01
Подписано в печать 15.03.2016.
Формат издания 60x90/16.
Объём 5,0 печ.л. Гарнитура Georgia.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru